

Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий

Ирина Викторовна Стародубровская (irinavstar@gmail.com), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Эльдар Шамигуллович Идрисов (idrisel@mail.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Adaptation of migrants from rural areas of Dagestan in Makhachkala and Astrakhan: causes of differences

Irina V. Starodubrovskaja (irinavstar@gmail.com), Russian Academy for National Economy and Public Administration, Russia.

Eldar Sh. Idrisov (idrisel@mail.ru), Russian Academy for National Economy and Public Administration, Russia.

Konstantin I. Kazenin (kz@ranepa.ru), Russian Academy for National Economy and Public Administration, Russia.

Резюме: В статье сопоставляются особенности интеграции мигрантов из сельского Дагестана в двух крупных городах – Астрахани и Махачкале. Миграция дагестанских горцев в эти два города, хотя и в разных масштабах, проходила практически одновременно, однако ее социальные результаты, как показало полевое исследование авторов, в двух городах были принципиально разными. Если в Астрахани реализовывалась модель интеграции в мейнстрим принимающего сообщества, то миграция горцев в Махачкалу дала яркий пример так называемой сегментной ассимиляции: там для второго поколения мигрантов было характерно вписывание в первую очередь в криминальную и радикальную исламскую контркультуры, что вело к значительному росту уровня конфликтности в городской среде. Возможные причины выявленных различий рассматриваются в контексте современных теоретических подходов к исследованию миграции. Показано, что успешность адаптации мигрантов в городах определяется не только особенностями переселенческого сообщества, но и характеристиками принимающего социума. Проведенное исследование демонстрирует, что в условиях позитивного настроения местного сообщества по отношению к мигрантам вероятным исходом даже для культурно замкнутых традиционных групп может быть не добровольная сепарация, которую нередко ожидают в таких случаях специалисты, а постепенная, хотя и медленная, интеграция в культуру принимающего сообщества.

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, урбанизация, Северный Кавказ.

Финансирование: Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Стародубровская И. В., Идрисов Э. Ш., & Казенин К. И. (2022). Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий. Демографическое обозрение, 9(2), 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>

Abstract: The paper compares features of integration of migrants from rural areas of Dagestan in two major Russian cities - Astrakhan and Makhachkala. Migration of Daghestani mountaineers to these two cities, though with different intensity, took place nearly simultaneously. However, its results, as the study conducted by the authors has shown, differed significantly. In Astrakhan, traditional integration into the urban mainstream was observed. By contrast, in Makhachkala a pattern of segmental assimilation predominated, in which second generation migrants were integrated primarily into criminal or radical Islamist «counter-cultures», resulting in serious conflicts within the urban society. Possible causes of the differences observed between the two cities are discussed in the context of modern theoretical approaches to migration. It is argued that the adaptation outcomes in the two cities correlate with characteristics not only of the migrant communities, but also of the native population. The study shows that, given a positive attitude of the local population towards migrants, even 'closed' and traditional migrant communities have a chance to gradually integrate into the local culture, instead of deliberately separating themselves from it.

Keywords: *migration, adaptation of migrants, urbanization, North Caucasus.*

Funding: *The article reflects the results of research carried out as part of the research work of the state task of the RANEPА.*

For citation: *Starodubrovskaja I., Idrisov E., & Kazenin K. (2022). Adaptation of migrants from rural areas of Dagestan in Makhachkala and Astrakhan: causes of differences. Demographic Review, 9(2), 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>*

Масштабные миграционные процессы, характерные для современного мира, повышают актуальность проблемы адаптации мигрантов к новому для них окружению. Всегда ли мигранты в конце концов ассимилируются в принимающее общество? И всегда ли такая ассимиляция во благо? От чего зависят темпы и степень конфликтности процессов адаптации? Дискуссии на эти темы ведутся фактически с начала XX века, когда в рамках Чикагской социологической школы началось исследование мигрантских сообществ в крупных городах (Парк 2011a, b; Park 1930; Вирт 2005). Сейчас ученые в целом ушли от упрощенных представлений, связывающих ассимиляцию мигрантов с их жизненным успехом, а отказ от ассимиляции – с отсутствием перспектив и маргинализацией. Скорее, рассматривается сравнительная эффективность вложений в ассимиляцию либо в сохранение прежней идентичности (Esser 2004).

Сама интеграция в принимающее сообщество трактуется как сложный многоаспектный процесс, включающий принятие соответствующих культурных норм, встраивание в местные рынки труда и брачных отношений, а также эмоциональную идентификацию с принимающим обществом либо со свойственными ему субкультурами (Esser 2004). Последний момент представляет особый интерес. Если раньше интеграция или ассимиляция ассоциировались только с включением в культуру мейнстрима (для США, например, в культурные паттерны в первую очередь среднего класса белых протестантов англо-саксонского происхождения (Gordon 1964)), то с появлением теории сегментной ассимиляции взгляд на эту проблему существенно усложнился.

Теория сегментной ассимиляции была предложена для второго поколения мигрантов исследовательской группой социологов во главе с Алехандро Портесом и Рубеном Румбо. В рамках рассматриваемого подхода ключевую роль играет то, «в какой сектор американского общества ассимилируется та или иная группа мигрантов. Вместо относительно однородного мейнстрима, чьи нравы и предрассудки диктуют единую траекторию интеграции, сегодня мы наблюдаем несколько различных форм адаптации» (Портес, Чжоу 2017). В статье Портес и Чжоу «Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности» рассматриваются три возможные траектории адаптации мигрантов к идеологическому и культурному многообразию принимающего общества.

Во-первых, это традиционная траектория ассимиляции – аккультурация (адаптация к культурным особенностям принимающего общества / сообщества) и включение в мейнстрим.

Во-вторых, это ассимиляция в низшие слои населения. «Ассимиляция в данном случае подразумевает признание не мейнстримной культуры, а ценностей и норм бедноты центральных городских районов. В результате внутри эмигрантского сообщества постепенно размывается солидарность и исчезает взаимопомощь» (Портес, Чжоу 2017: 128). Подобная модель ассимиляции предполагает нисходящую мобильность как наиболее вероятное последствие. Портес и Чжоу считают, что ее вероятность повышают три момента: расовая принадлежность, место проживания и коллапс социальных лифтов.

В-третьих, это осознанное сохранение ценностей и солидарности мигрантского сообщества. Авторы подчеркивают, что поддержание тесной связи с этническим сообществом может создавать лучшие условия для образовательной и экономической мобильности детей мигрантов, в том числе за счёт недопущения их включения в контркультуру городской бедноты.

В своей более поздней книге «Наследие: История второго поколения мигрантов» (Portes, Rumbaut 2001) Портес и Румбо обращают большее внимание на межпоколенческий аспект ассимиляции. Наиболее многообещающей они считают модель селективной аккультурации, в рамках которой первое и второе поколение мигрантов постепенно осваивают язык и культуру принимающего сообщества, но при этом не забывают также язык и ценности родной страны, сохраняя связи в рамках своей этнической группы. Альтернативные варианты – межпоколенческий разрыв, когда молодое поколение быстро адаптируется, а старшее замыкается в рамках этнических институтов (диссонансная аккультурация), а также ситуация семейной солидарности, когда оба поколения либо активно встраиваются в принимающее общество и отрываются от этнических корней, либо противятся интеграции (консонантная аккультурация), – с точки зрения исследователей, менее благоприятны (особенно первая, часто сопровождающаяся ассимиляцией в контркультуру).

Ещё более усложнила представление о процессах адаптации теория трансмиграции, утверждающая, что мигрант по сути не принадлежит полностью принимающему обществу, поскольку по-прежнему сохраняет тесные связи со своей родиной. Соответственно, его идентичность складывается из отношений более чем с одним национальным государством. Трансмигранты «обустраиваются и включаются в экономические и политические институты, местные сообщества и процессы повседневной жизни в стране, где они проживают. Однако в то же самое время они участвуют в жизни в других местах в том смысле, что они поддерживают связи, создают институты, осуществляют трансакции, влияют на происходящее на локальном и национальном уровне в странах, из которых они эмигрировали» (Glick Schiller et al. 1995). Причём подобные взаимодействия могут включать более чем две страны. «Мигранты поддерживают контакты не только с теми, кто остался в стране, из которой они прибыли, но также и с другими мигрантами, которые осели в иных странах. Их социальная сеть не ограничивается одной принимающей страной, но часто охватывает несколько стран, иногда даже несколько континентов» (Dijkstra, Geuijen, Ruijter 2001).

Выделение многообразных жизненных траекторий мигрантов, определяемых в том числе и их отношением к «материнскому» и принимающему сообществам, неизбежно ставит вопрос о факторах, от которых данная траектория зависит. Насколько притяжение оставленной родины может повлиять на процессы адаптации? Что определяет, будет ли происходить интеграция мигранта в мейнстрим или в контркультуру? Возникнет ли межпоколенческий разрыв между первым и вторым поколениями мигрантов, или они будут действовать сообща? С точки зрения настоящего исследования наибольший интерес представляет воздействие на итоговый результат культурной специфики мигранта, с одной стороны, и ситуации в принимающем сообществе – с другой.

Культурные особенности принимающего сообщества рассматриваются как фактор, существенный для адаптации мигрантов, в ряде теоретических подходов. Так, Дж. Берри (Berry 1997; Berry 2019), выделяя несколько «стратегий аккультурации», показывает, что эти стратегии могут меняться под влиянием того отношения к «чужакам», которое доминирует в принимающем сообществе. Согласно Берри, конкретные пути аккультурации зависят от того, насколько сильны среди мигрантов и в принимающем сообществе две группы ценностей: 1) ценности поддержания контактов за пределами своего сообщества, культурной открытости; 2) ценности сохранения собственной идентичности, культурных особенностей. Исследователь противопоставляет тот случай, когда мигранты и

принимающее сообщество совпадают по степени принятия этих ценностей, и тот случай, когда такого совпадения не наблюдается. Если ценности обеих групп разделяются и принимающим сообществом, и мигрантами, то имеет место *интеграция* мигрантов в принимающем сообществе, которая предполагает и развитие взаимодействия с местным населением, и сохранение мигрантами своего этнического самосознания, контактов внутри своего сообщества. Если и среди мигрантов, и в принимающем сообществе сильны ценности первой, но не второй группы, это создает условия для *ассимиляции* мигрантов, т. е. утраты их прежней идентичности на фоне успешного развития контактов с местными жителями. Если позиции обеих групп ценностей слабы как среди мигрантов, так и среди местных жителей, то, согласно Берри, вероятно *маргинализация* мигрантов, т. е. отсутствие у них устойчивых связей как с принимающим сообществом (из-за низкой ценности в нем поддержания контактов с «чужаками»), так и в своем сообществе (из-за низкой ценности сохранения собственной идентичности). Наконец, если и среди мигрантов, и в принимающем сообществе сильны ценности сохранения собственной идентичности, но не столь сильны ценности межкультурных контактов, то имеет место *сегрегация* мигрантов, т. е. их сравнительно изолированное положение в социуме, определяемое не только их собственными поведенческими ориентирами, но и поведением принимающего сообщества. Что касается случаев, когда принимающее и переселенческое сообщества не совпадают в своем отношении к указанным выше ценностям, то Берри указывает лишь на одну стратегию аккультурации, вызванную таким положением. Это стратегия *сепарации*, наблюдаемая тогда, когда принимающее сообщество позитивно настроено на взаимодействие с «культурно иными», однако среди самих мигрантов сильны ценности сохранения собственной идентичности, но не ценности межкультурных контактов. Такое положение ведет к добровольной сепарации мигрантов, т. е. к намеренному самоограничению в контактах с принимающим сообществом. Берри при этом показывает, что ценностные установки принимающего сообщества могут зависеть от того, формировалось ли оно само в результате миграций (как, например, североамериканское) или же состоит в основном из тех, кто считает себя «коренными» обитателями данной территории. Во втором случае готовность к развитию контактов с мигрантами разных культур может быть выше.

В работе (van Tubergen, Maas, Flap 2004) взаимодействие мигрантского и принимающего сообществ в процессе адаптации мигрантов рассматривается в рамках теории человеческого капитала. Авторы показывают, что европейские страны в новейшее время существенно отличались друг от друга по тому, насколько сильны среди местного населения были антимигрантские настроения и, шире, установка на исключение «иноэтнических» элементов из жизни общества (*ethnic exclusionism*). Это в свою очередь влияло на выбор страны переезда мигрантами с разными уровнями человеческого капитала. Например, мигранты с более высоким образованием в целом предпочитали переезд в те страны, где антимигрантские настроения слабее и у них, соответственно, больше шансов обрести положение, соответствующее их уровню образования. Тем самым отношение в стране к мигрантам во многом определяет характеристики переселенческих сообществ и те конкретные жизненные траектории, которые готовы выбирать мигранты, прибывающие в страну.

Настоящее исследование ставило своей задачей продемонстрировать именно роль того контекста, той среды, в которую должны вписываться мигранты для адаптации в принимающем сообществе. Причём, в отличие от подавляющего большинства

исследований подобного рода, здесь речь пойдет не о международной, а о внутрироссийской миграции. Наша задача – проанализировать, как происходила адаптация мигрантов с горных сельских территорий Дагестана в различных культурных контекстах: с одной стороны, в Астрахани, где реализовывалась модель интеграции в мейнстрим принимающего сообщества, а с другой стороны, в Махачкале, которая является яркой иллюстрацией теории сегментной ассимиляции – здесь для второго поколения мигрантов характерно вписывание в первую очередь в криминальную и радикальную исламскую контркультуры.

Нельзя сказать, что миграция с Северного Кавказа совсем не привлекала внимания исследователей. Ряд количественных и (реже) качественных социологических исследований посвящён адаптации мигрантов из северокавказских республик в российских регионах с преимущественно русским населением. Причём в этих исследованиях контекст принимающего сообщества учитывался, однако в основном сводился к отношению местного населения к мигрантам. Часть подобных работ выполнена на основе методологии Берри (Боттаева 2009; Лепшокова 2020), часть использует другую методологическую базу. Так, В. Мукомель измеряет интеграцию мигрантов с использованием таких критериев, как идентификация с жителями конкретного населенного пункта; использование русского языка в повседневном общении; позитивная оценка отношений с принимающим населением и отсутствие агрессии в отношении других этнических групп, выделяя 3 группы мигрантов: интегрированные в местный социум, частично (в основном) интегрированные и неинтегрированные. Те же критерии он применяет в отношении местных жителей – они также могут различаться по степени интеграции в местное сообщество (Мукомель 2016; 2018).

Что касается территорий, выбираемых для анализа в имеющихся работах, то наибольшее внимание было обращено на Москву. Исследования либо посвящены только столице (Галяпина 2015; Лепшокова 2020), либо сравнивают её с ещё каким-либо регионом (Боттаева 2009), либо включают в более широкую региональную выборку (Мукомель 2016; 2018).

Выводы рассмотренных исследований, представляющие интерес в контексте настоящей работы, можно свести к следующим:

- северокавказские мигранты оценивают состояние межнациональных отношений лучше местных жителей. Возможно, это связано с их более высоким социальным капиталом – у мигрантов выше уровень межличностного и межгруппового доверия, чем у местных жителей;
- процесс интеграции мигрантов с Северного Кавказа в Московском регионе протекает сложнее, чем в провинции, хотя и в провинции ситуация неоднородна;
- мигранты могут встраиваться в различные культурные среды в рамках принимающего сообщества. «Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов постепенно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных жителей. Однако последние неоднородны: идентичности интегрированных и неинтегрированных представителей кардинально различаются. Приезжие перенимают и те, и другие. Как следствие, с одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой – происходит формирование когорты

приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума» (Мукомель 2018:158);

- наблюдаются особо негативные настроения именно к северокавказским мигрантам – так, у части москвичей «образ мигранта из государств Средней Азии по большей части наделяется характеристиками, связанными с чувством жалости и пренебрежением. В образе мигранта с Северного Кавказа доминируют характеристики, вызывающие, как правило, чувство агрессии» (Галяпина 2015: 78). Аналогичные выводы делаются и для ряда других регионов. Так, говоря об Астраханской области, Мукомель характеризует ее как «один из наиболее полиэтничных регионов нашей страны с богатым опытом межкультурных коммуникаций и со своей особой региональной идентичностью», отмечая при этом: «В настоящее время сложившиеся там издавна традиции межэтнического взаимодействия испытываются на прочность потоками мигрантов с Кавказа, коих местное население обвиняет в захвате ряда сфер экономической деятельности» (Мукомель 2016: 73);
- выходцы с Северного Кавказа воспринимаются частью населения не как соотечественники, а как жители другого государства, не россияне. «Обыденное сознание идентифицирует их как «чужих», хотя они являются согражданами и их гражданские права, включая право на свободу передвижения и выбор места жительства, не могут ограничиваться» (Мукомель 2018: 142).

Что касается антропологических исследований северокавказской миграции за пределы своего региона, то в основном они сосредоточены на тематике отходничества – временной трудовой миграции. Постоянный переезд, если и затрагивался в них, то как второстепенный и проходящий сюжет. Так, в фундаментальной работе Ю. Карпова и Е. Капустной «Горцы после гор» (Карпов, Капустина 2011), посвящённой миграционным процессам в Дагестане, кратко характеризуются дагестанские диаспоры в четырёх близлежащих регионах: Ставропольском крае, Ростовской и Астраханской областях и Республике Калмыкия. Однако информация по Астраханской области, например, наиболее интересная применительно к настоящему исследованию, чрезвычайно лаконична и содержит ссылки лишь на 3 интервью.

Более развёрнуто характеристика дагестанской миграции в Астраханскую область представлена в «зарисовке» А. Ярлыкапова «Дагестанцы в Астраханской области» (Ярлыкапов 2007). В ней рассмотрены основные миграционные волны из Дагестана в данный регион, механизмы миграции, сферы занятости приезжих, приоритеты в расселении, проявления транснационализма, отношения с местным населением. По всем этим аспектам дана общая характеристика без углубления в детали, в частности, без разделения мигрантов разных поколений.

Отдельные исследования посвящены миграции северокавказского населения внутри регионов проживания, в частности, миграции дагестанцев с гор в равнинную часть республики (Османов 2000; Карпов, Капустина 2011; Казенин 2019), миграции «титовых» этносов Карачаево-Черкесии на территории, населенные до этого преимущественно русскими (Белозеров 2005: 108-130). Исследования описывают условия, в которых проходила внутрирегиональная миграция на Северном Кавказе в советские и постсоветские годы, особенности расселения мигрантов на принимающих территориях, факторы, влияющие на их адаптацию. Рассматривался также вопрос о влиянии различных миграционных процессов в северокавказских регионах на межэтнические отношения.

Ряд исследований отдельно посвящены различным аспектам переселения дагестанского населения в Махачкалу – одного из крупнейших по численности переселенцев миграционных процессов на Северном Кавказе последних десятилетий. Авторы анализируют, в частности, барьеры для адаптации сельских мигрантов в столице Дагестана (Лободанова 2015), особенности разрешения конфликтов с участием переселенческих сообществ (Варшавер 2014).

Представленное в данной статье исследование существенно отличается от рассмотренных выше. Во-первых, оно сочетает в себе использование методов полевой антропологической работы в сборе материала с его анализом на основе международно признанных теоретических моделей – теории сегментной ассимиляции и стратегий аккультурации Берри. Во-вторых, объектом анализа является северокавказская миграция не в те или иные регионы в целом, а именно в города, и культурным контекстом, в который вписываются мигранты, выступает городская среда в различных ее проявлениях. В-третьих, оно концентрируется именно на постоянной, а не на временной миграции, что не типично для российских качественных социологических исследований.

Охарактеризуем кратко эмпирическую базу исследования. Процессы урбанизации в Махачкале, а также сельские культурные паттерны в Дагестане были включены в тематику масштабного антропологического исследования, продолжавшегося около 10 лет – с 2009 по 2019 г. За это время было изучено с различной степенью детализации несколько десятков сельских сообществ в регионе, а также проведено не менее двух сотен интервью и многочисленные включённые наблюдения в столице республики. Адаптацию северокавказских мигрантов в Астрахани авторы изучали в 2018-2021 гг. Качественным исследованием было охвачено около 100 человек. В основном это были мигранты, с которыми проводили глубинные полуструктурированные интервью. В исследование было включено также несколько экспертных интервью и фокус-группы со школьниками и студентами астраханских вузов. В обоих исследованиях были представлены все возрастные группы, при этом наблюдался гендерный дисбаланс в пользу лиц мужского пола в наиболее традиционных и закрытых дагестанских сельских сообществах, а также среди мигрантов из них в города.

Поскольку константой в данном исследовании является именно сельская горская культура в Дагестане, о ней необходимо сказать несколько слов.

Во-первых, при всем ее чрезвычайном разнообразии в целом для этой культуры характерна достаточно высокая традиционность (Смирнова 1983): сохранение поколенческих и гендерных иерархий, подчинение людей родовым и общинным коллективностям, жёсткая граница свой / чужой, значительная роль традиционных социальных регуляторов - адата (обычая) и шариата. Где-то эти отношения стали размываться в позднесоветское время, где-то пережили даже постсоветскую социальную трансформацию.

Во-вторых, в «горском менталитете» воспроизводится достаточно типичная культура чести и стыда (Georges, Baker 2016; November 2017), характерная для коллективистских общностей. В подобной культуре приемлемое поведение определяется нормами и идеалами сообщества, а не законами или внутренними нравственными императивами индивида.

В-третьих, в отличие от других северокавказских территорий, в горном Дагестане традиционно распространена эндогамия. Нередко браки заключаются между троюродными братьями и сёстрами. Также имеют место кросскузенные браки, хотя сейчас их распространённость снижается.

Подобные культурные паттерны вполне могут создавать сложности с адаптацией в принимающем обществе, поскольку способствуют сохранению замкнутости, а иногда и способны провоцировать насильственные практики – традиционная культура вполне толерантно относится к насилию. Тем не менее результаты исследования демонстрируют, что в разных контекстах эволюция подобных культур протекает по-разному и с различными последствиями.

И в случае Астрахани, и в случае Махачкалы миграция из сельских районов Дагестана началась в позднесоветское время, однако наибольший ее всплеск произошёл в постсоветский период.

Миграция дагестанцев в Астрахань во многом была основана на традиционных торговых связях, которые сложились ещё до распада СССР. Так, выходцы из одного из сел вспоминают, что в 1970-е – 1980-е годы привозили в Астрахань зимние фрукты (яблоки, груши). Практически каждая семья участвовала в этой деятельности, торговать приезжали поочередно на 2-3 месяца. Пик миграции пришёлся на 1990-е годы. С 1989 по 2010 г. общины аварцев и лезгин в городе, по данным переписей, выросли соответственно в 4 и 2,6 раза. Костяк миграции составили жители трёх дагестанских горных аварских сел – Кванада (Цумадинский район), Нижнее Инхело и Кванхидатль (Ботлихский район). По оценкам информантов, в Астрахани проживает сейчас более 300 семей из Кванады, 200-250 семей из Нижнего Инхело, от 200 до 300 семей из Кванхидатля. Даже на общем фоне Дагестана все эти села отличаются своей традиционностью и закрытостью, а также высоким уровнем религиозности. Тем самым культурная дистанция мигрантов с принимающим сообществом изначально была достаточно велика.

Хотя экономические связи дагестанцев с Астраханью имели довольно долгую историю, вписывание в городскую среду первого поколения мигрантов происходило непросто¹. Для начала 1990-х годов были характерны острые конфликты между местным населением и приезжими, связанные с конкуренцией в сфере торговли, борьбой за земельные и другие хозяйственные ресурсы, а также переделом сфер влияния в криминальном мире. «Миграция привела к нарушению сложившейся национально-социальной иерархии, исторически сложившегося разделения труда, вызвала столкновение интересов исторически проживающего населения и представителей миграционных потоков (особенно в сфере торговли и частного предпринимательства)» (Рубан 1995). Для данного поколения в определенной мере была характерна вписанность в исламистскую контркультуру (в городе действовал радикальный проповедник Аюб Астраханский – выходец из дагестанского села Кванада, имевший многочисленных последователей).

¹ До сих пор именно первое поколение мигрантов в основном является источником проблем и конфликтов. Но на настоящий момент речь идёт в основном о студентах – выходцах с Северного Кавказа. Собственно, образовательная миграция – единственная форма миграции в Астрахань, которая сейчас имеет достаточно массовый характер.

Однако постепенно конфликтность снижается и сегодня второе поколение дагестанских мигрантов уже вполне комфортно чувствует себя в городе. Определенные проблемы на бытовом уровне продолжают сохраняться², и это время от времени прорывалось в интервью. *«Мне кажется, просто люди, которые здесь живут, астраханцы, считают людей с Кавказа какими-то необразованными... Человек сразу, как только узнает мою национальность, он считает [меня] каким-то быдловатым, можно сказать. ... Начинают вести себя по-другому, относятся по-другому. ... Как-то более недоверчиво»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Однако в целом адаптация проходит успешно, дагестанцы позитивно воспринимают город, диверсифицируют социальные связи, вписываются в хозяйственную жизнь. *«Всегда вот я знаю детей, я знаю родителей, которые дружбой сплетены – кавказцы с русскими, с казахами, ногайцами. И у нас вот есть тут в Астрахани – все друг друга называют “брат”. ... У нас в этом очень сплочено»* (жен., сред. возр., Астрахань, 2020).

Совершенно иная ситуация наблюдалась в Махачкале, где массовые миграционные волны были характерны и для 1990-х годов, и для последующих периодов. *«Заработать можно было только здесь, они [горцы] приезжали в Махачкалу, потому что там нечего делать, в горах»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013). Судьба первого поколения мигрантов в городе была различной. Кто-то преуспел, однако многие не смогли устроиться, деградировали, среди них стали распространяться пьянство и наркомания. Информанты приводили примеры, когда мигрант зарабатывал большие деньги, в том числе в рамках криминального бизнеса, а потом полностью разорялся. *«Из всей этой каши огромное количество людей неудачники, которых оттуда сорвали, с прежнего образа жизни, к этому они не пристали..., у них ничего не получилось»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013).

Второе поколение мигрантов, во многом «дети улицы», стали питательной средой для распространения контркультур. Один из информантов вспоминает, что в подростковом возрасте опора была в основном на воровские понятия. Если человек действовал «не по понятиям», он становился изгоем. В дальнейшем произошёл массовый переток из криминала в радикальную исламскую контркультуру. Как говорили наши собеседники, в этот период нужно было однозначно выбрать сторону: ты с традиционным исламом (суфиями) или с радикалами (салафитами). Причем салафизм на начальных этапах практически безальтернативно означал одобрение воинственного джихада и поддержку незаконных вооруженных формирований. Лишь позднее в Дагестане стали распространяться более умеренные, мирные формы радикальной исламской идеологии. Однако в условиях разворачивающегося противостояния на их представителей также распространялись дискриминационные практики и оказывалось давление государства.

Для подобного контраста между рассматриваемыми городами должны быть серьезные основания. Попробуем сопоставить ход процессов урбанизации в Астрахани и Махачкале и его влияние на форматы адаптации мигрантов.

Первое, что бросается в глаза – это совершенно разные темпы урбанизации в двух рассматриваемых городах. Когда речь идёт о полиэтничных сообществах, для измерения

² Необходимо отметить, что власти города делают немало для того чтобы бытовые проблемы не переросли в более масштабные конфликты. Так, в интервью глава одного из городских районов отмечала, что, если у жителей возникает беспокойство по поводу появления мигрантов по соседству, власти стремятся собрать информацию о вновь прибывших и успокоить население, пока дело не дошло до агрессии.

этих темпов можно использовать 2 показателя: изменение численности населения, характеризующее процесс разрастания города, и сдвиги в этническом составе, позволяющие уловить изменение структуры населения.

Таблица. Изменение численности жителей и долей основных этнических групп в Махачкале и Астрахани по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения

	1959	1970	1979	1989	2002	2010
<i>Махачкала</i>						
Численность населения	119334	186863	246590	314767	462412	572076
Доли основных этнических групп, %						
аварцы	5,8	11,9	16,3	19,1	26,5	26,1
даргинцы	5,3	7,5	9,4	11,1	13,7	15,5
кумыки	12,2	14,2	14,1	14,3	13,9	15,1
лакцы	5,1	9,0	10,8	11,6	14,6	14,0
лезгины	3,0	5,1	7,6	9,6	13,6	14,8
русские	51,6	38,2	29,1	21,5	9,1	6,3
<i>Астрахань</i>						
Численность населения	295768	410473	461003	509210	504501	520339
Доли основных этнических групп, %						
русские	н/д	84,5	84,4	82,0	80,0	77,9
татары	н/д	8,6	8,2	7,9	7,9	7,0
казахи	н/д	1,4	1,6	3,0	4,2	5,5
украинцы	н/д	2,13	2,2	2,2	1,3	1,0
армяне	н/д	0	0,3	0,4	0,9	1,0

Как видно из данных таблицы, численность населения Астрахани, достаточно быстро растущая в позднесоветское время, в постсоветский период стагнирует. Определенные изменения этнического состава населения при этом происходят: в городе снижается доля русских и татар, несколько возрастает доля казахов. Переселенцы из Дагестана в совокупности сейчас вышли на четвертое место после трех основных этнических групп по доле в городском населении (Сызранов 2016). Однако наблюдаемые сдвиги достаточно медленны и носят эволюционный характер. Так, с 1989 г. первые первых 3 места по численности населения устойчиво занимают этнические группы русских, татар и казахов. Подобная ситуация демонстрирует, что урбанизация в Астрахани осуществляется умеренными темпами, позволяющими сохранять основы городской культуры.

Немаловажным было и то, как складывалась эта городская культура. Торговый, поликультурный город исторически воспитывал толерантность к многообразию и различиям. Здесь привыкли к людям других культур, другого образа жизни. *«По-другому здесь никак нельзя. Этот город испокон веков был многонациональный и здесь ценилась дружба, уважение друг к другу, познание культур друг друга. ... Это испокон веков здесь сложилась такая традиция»* (муж., стар. возр., Астрахань, 2019). Такая обстановка в целом благоприятствовала успешной адаптации мигрантов, поскольку они не ощущали серьезной дискриминации. *«Те кавказцы, которые приезжают сюда, они не чувствуют той неприязни, той ненависти, которую, может быть, они чувствуют в других регионах»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2019); *«Плюс в том, что, допустим, та же самая толерантность здесь проявляется у них»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020).

Единственная группа, жаловавшаяся на дискриминационные практики – это соблюдающие мусульмане. В первую очередь негатив был вызван запретом хиджабов

в школах, а также рейдами правоохранительных органов в мечетях. Однако воспринимаемая дискриминация не принимает крайних форм и не приводит, во всяком случае массово, к отчуждению от культурного мейнстрима. При этом исламская радикальная контркультура в Астрахани имеет определенное распространение. В городе произошло несколько террористических актов (последние – в апреле 2017 г.). По имеющейся информации, более 70 выходцев из Астраханской области воевали в рядах ИГИЛ (запрещенная в России организация)³. Точных данных о том, насколько подобные настроения были распространены именно среди дагестанцев, нет. Однако в настоящее время радикальные идеи не имеют серьезного влияния на выходцев из Дагестана. Наши собственные наблюдения подтверждают этот вывод.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Махачкале. В позднесоветский и постсоветский периоды здесь фиксировались как резкий рост численности, так и кардинальные изменения в этническом составе населения. Доля русских из преобладающей в 1959 г. стала мизерной к 2010 г. Доля основных народностей, традиционно проживающих в горах (аварцы и даргинцы), увеличилась с 11% до более чем 40% – почти в 4 раза.

Хотя в позднесоветский период миграция с сельских территорий также наблюдалась, ее масштабы были не столь велики, чтобы существенно воздействовать на городскую культуру. Мигранты адаптировались к сложившимся в городе нормам. *«Они ходили в каких-то вот белых папахах. Видимо, специально одевали, чтобы свою самость как-то вот обозначить. Они ходили робея, они ходили, приглядываясь и стараясь, разумеется, невольно вести себя так, как тут принято... Это было органичное вплавление нового населения и как-то вот понимание ими правил игры»* (жен., сред. возр., Дагестан, 2017). Даже если в семьях мигрантов придерживались обычаев (адатов), общение молодежи из таких семей со сверстниками обычно происходило по другим правилам – компании были полиэтничными. *«В отдельных семьях возможно и была так называемая традиционная культура, но тогда город был все-таки город»* (жен., сред. возр., Дагестан, 2017).

Принципиальное изменение ситуации в постсоветский период не нашло столь явного отражения в статистике. Так, в соответствии с официальными данными Махачкала продолжала расти примерно теми же темпами, что и в позднесоветское время, и сдвиги этнической структуры в ней происходили постепенно. Однако далеко не все считают официальную статистику адекватной. Денис Соколов в своем исследовании, опубликованном в 2011 г., приводит оценку населения Махачкалы в 700 тыс. (Соколов 2011). Картина этнических сдвигов также не полностью характеризует масштабы урбанизации, поскольку не до конца учитывает эффект замещения. В ситуации постсоветского кризиса, когда перестали работать крупные предприятия, стали рваться хозяйственные связи, обострились проблемы безопасности, из Махачкалы уезжали не только русские, но и образованные, квалифицированные представители коренных этнических групп. А на их место приезжали горцы. По оценкам Соколова, в городе осталось примерно 1/7 коренных жителей (Соколов 2011: 262).

³ Более 70 жителей Астраханской области воюют в рядах ИГ (2015). *Кавказский узел*, 18.11.2015. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/272721/>

Мы уже говорили выше, что традиционная горская культура строится на жестких иерархиях и контроле сообщества за его членами, на критериях чести и стыда. При переезде в город эти механизмы во многом переставали действовать. Не функционировал внешний контроль сообщества. *«Вот в селении, если ты вдруг что-то плохое сделаешь, любой старший может по башке дать. Это нормально. И неважно, родственник или нет. Когда он [мигрант] приезжает в город, по башке уже никто не дает. Его не научили культуре, почему нельзя, например, девочку обижать. Не объяснили, почему нельзя девочку обижать, а просто по башке давали. А здесь он видит, что по башке никто не дает. Значит, можно обидеть девочку»* (Стародубровская 2011: 248). Не работали традиционные нормы, распространявшиеся в первую очередь «на своих» – в городе все оказывались чужими. Носители же городской культуры в массе своей уехали и, собственно, не осталось той среды, того мейнстрима, в который приезжие могли бы вписаться.

В результате масштабная миграция привела к социальному хаосу, нормы городской жизни были разрушены. *«Вы же понимаете, что Махачкала, оставшись без промышленного комплекса, тоже превратилась в такое – кто чего урвет. Кто-то урвал, кто-то не урвал, у кого-то хватило знаний, кто-то компенсировал свои незнания силой, подлостью»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013). Город стал восприниматься как сосредоточие негатива. *«Большие города – это большая безнравственность. Большой город – это большая бесконтрольность и большая анонимность, анонимность существования человека. ... Меня беспокоит то, что под видом свободы человека человек сам себя разрушает. Семья разрушается ... Вот слово “надо” у человека – неужели у человека не должно быть слова “надо”?!»* (муж., стар. возр., Дагестан, 2012).

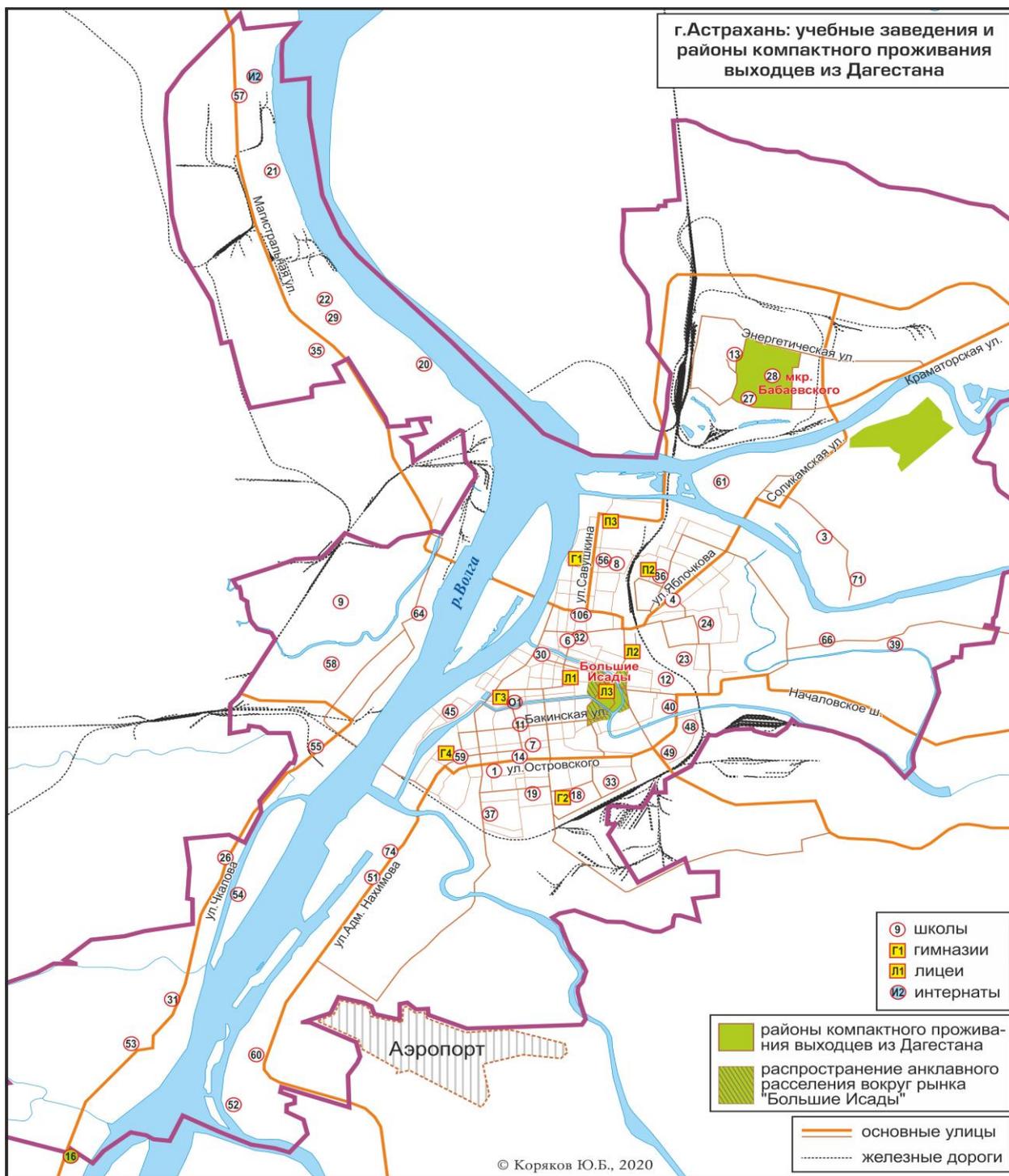
Интересен также вопрос о расселении мигрантов в городах. Особенность Астрахани состоит в том, что там мигранты во многом (хотя и далеко не всегда) селились компактно. Выходцы из трёх дагестанских сел, о которых шла речь выше, образовали анклав в центре города, рядом с крупными рынками и мечетями – Большие Исады (рисунок). Постепенно этот анклав расширяется, в том числе в направлении популярных у дагестанцев вузов – в первую очередь Медицинского университета. Повышенная резидентная концентрация дагестанцев также наблюдается в окраинном микрорайоне Бабаевского и ещё в некоторых других районах. Исходя из общих соображений можно предположить, что подобное компактное расселение повышает стремление к социальной замкнутости и не способствует успешной адаптации⁴.

В то же время необходимо отметить, что данные мигрантские анклавы – это не те районы бедноты и социальной эксклюзии, о которых обычно идёт речь при исследовании расселения мигрантов, например, в ряде стран Западной Европы. Район рынка Большие Исады на момент начала переселения был одним из самых неблагоустроенных городских районов, с ветхой, в основном одноэтажной и двухэтажной застройкой и неразвитой инфраструктурой. Бытовые проблемы в нем сохранились до сих пор, однако его облик стал совсем другим – он в основном застроен добротными домами со всеми удобствами, где семьи проживают на втором этаже, а на первом находятся хозяйственные помещения (магазины и склады). Недвижимость в районе Больших Исад пользуется спросом,

⁴ С точки зрения системы расселения Астрахань имеет существенную специфику по сравнению с большинством российских городов, для которых мигрантские анклавы в такой форме в целом не характерны (Варшавер и др. 2021).

цена земли примерно на 30% выше, чем в среднем по городу. Очевидно, живущих здесь выходцев из Дагестана в массе своей скорее можно отнести к среднему классу.

Рисунок. Основные районы расселения этнических дагестанцев в г. Астрахани



Источник: Составлено Ю.Б. Коряковым на основе полевых данных, собранных авторами.

Микрорайон Бабаевского по своим формальным характеристикам больше напоминает типичный мигрантский анклав. Это окраинный полиэтничный район многоэтажной застройки, где дагестанцы составляют меньшинство и соседствуют с мигрантами с других территорий и местными жителями. Цены на недвижимость здесь

ниже, чем в среднем по городу. Тем не менее и в этом районе в массе своей живут далеко не те, кто относится к социальным низам. Здесь проживают работники Газпрома, приехавшие из районов области или других городов в Астрахань еще в 1980-х годах – сначала строить, а затем работать в компании. Эта работа в Астрахани считалась престижной и (до последнего времени) хорошо оплачиваемой. И хотя для мигрантской молодежи здесь возникают определенные социальные риски – по свидетельству учителей, дети, у которых отцы уезжают на вахты, а матери работают, могут быть неухоженными, не присмотренными – нельзя сказать, что в этом районе широкое распространение получила контркультурная ориентация. Исследования показали, что часть молодежи и здесь ориентирована на вертикальную, в том числе территориальную, мобильность. Другие стремятся как можно раньше начать трудовую деятельность и вносить вклад в финансовое обеспечение семьи.

Махачкала с этой точки зрения представляет собою совсем другой пример. Хотя в городе есть случаи компактного проживания выходцев с определённых территорий, социальная пространственная поляризация в гораздо большей степени определяет облик города. В нем есть районы полностью элитной застройки, к таким, например, относится «посёлок Нефтянников», где на месте рабочего посёлка был отстроен престижный район фактически в центре города. А есть неблагоустроенные бедные окраины, и там население не видит перспектив социального продвижения. *«Маргиналы. ...Есть некоторые районы в Махачкале... Ну не трущобы, но очень поганые там пятиэтажки, неблагоустроенные, там очень дешевое жилье... Целыми домами оттуда... все молодые оказывались на той стороне [на стороне боевиков]»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013).

Примером подобного района может служить посёлок Сепараторный. Он был основан в 1991 г., когда работникам Сепараторного завода выделялись здесь участки под индивидуальное жилищное строительство. В дальнейшем посёлок разрастался, частично за счёт самозахватов земли. Территория его до сих пор не благоустроена. «Более или менее сносные условия в нижней части улицы Хуршилова. Здесь есть в домах вода, хоть и с небольшим напором; в районе мечети заасфальтирован участок дороги, а дальше вверх, начиная с ул. Айвовой, цивилизация заканчивается: самодельные дороги, линии электропередач, газопровод с одной стороны улиц, канализация и отсутствие водопровода»⁵. Детского сада и школы нет, дети вынуждены ходить в школу за 2 км пешком. Как отмечают местные жители, «до 2012 года этот район города считался самым криминальным и неблагоприятным для жилья. Тут действовали различные бандгруппы, вербовщики экстремистских групп, каждую неделю происходили спецоперации, убийства сотрудников полиции, по вечерам из домов небезопасно было выходить, так как в посёлке было много наркоманов и других криминальных элементов»⁶.

Подтверждением наличия в подобных районах контркультуры, направленной против ценностей мейнстрима, является рассказ одного из информантов, утверждавшего, что был период, когда в расположенных здесь школах окна забивали фанерой,

⁵ Вагабова С. (2017). Посёлок за свой счет. *Черновик*, 04.09.2017. <https://chernovik.net/content/respublika/posyolok-za-svoy-schyot>

⁶ Жители Сепараторного посёлка Махачкалы провели сход после разрушения стены дома (2017). *Кавказский узел*, 15.01.2017. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295965/>

поскольку каждый проходящий мимо школы молодой человек считал своим долгом бросить в окно камень.

В Астрахани мы видим совершенно иную ситуацию с образованием в мигрантских районах. На Больших Исадах расположен лицей – достаточно престижное в городе учебное заведение с продвинутыми подходами к образованию, прививающее школьникам вполне модернистскую индивидуалистическую культуру, современные ценности мобильности и достигательную мотивацию. Судя по всему, подобные общеобразовательные учреждения играют немалую роль в успешной адаптации мигрантов второго поколения. *«И сейчас уже дети, они уже знают четко, что они не пойдут на Большие Исады. У них есть цель – высшие учебные заведения. После девятого класса они знают, что все они идут получать профессию. Если раньше было, что девочку в начальной школе отучили четыре класса, забрали, отдали в свою какую-то школу, где она учится там готовить, шить, убирать и все остальное, то теперь нет. Теперь они знают, что девочка пойдёт учиться в педагогический, медицинский и так далее»* (жен., сред. возр., Астрахань, 2019).

Разное отношение к образованию в рассматриваемых городах во многом определялось тем, насколько оно могло в восприятии мигрантов обеспечить вертикальные лифты и помочь самореализоваться в жизни. И здесь мы также видим принципиальные расхождения между Махачкалой и Астраханью.

В Махачкале периода ускоренной урбанизации образование во многом стало модой. Считалось, что диплом о высшем образовании престижен. Однако далеко не всегда это означало реальное получение соответствующих знаний и компетенций. В вузах процветало взяточничество, дипломы покупались. В то же время получение высшего образования не являлось вертикальным лифтом, не давало возможностей карьерного продвижения. *«В основном в юристы и экономисты идут, получают диплом – и на базар, торговать»* (жен., сред. возр., Дагестан, 2014). Так происходило даже в тех случаях, когда образование не было фиктивным. Один из информантов рассказывал, что закончил с золотой медалью элитную школу в Махачкале, получил экономическое образование, одновременно освоил IT, сдал TOEFL, был старостой курса, однако это не помогло ему продвинуться в жизни. В аспирантуру вместо него взяли другого человека (как предполагается, по блату или за деньги), на работе он не смог ужиться с малообразованным начальником, которого не устроили квалификация и независимость подчиненного.

Иную ситуацию мы наблюдаем в Астрахани. Даже выходцы из наиболее традиционных дагестанских сел отмечали в интервью, что большое достоинство города – это возможность получить образование. *«Плюс – что знания дают, как положено»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Причём образование однозначно рассматривалось нашими собеседниками и как возможность реализовать собственные жизненные цели, и как насущная необходимость в современном обществе. *«Сейчас не то время, когда можно без образования что-то открыть, что-то сделать. ... Я считаю, что дальше без образования молодежи только сложнее будет»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020).

Таким образом, наиболее явные различия между Астраханью и Махачкалой сводятся к следующим.

- В Астрахани постсоветская урбанизация осуществлялась эволюционно, что позволило сохранить основы городской культуры. Для Махачкалы характерна быстрая

урбанизация с замещением коренного городского населения приезжими из сельской местности. В результате собственно городская культура оказалась размыта, и мигрантам, вышедшим из традиционной культуры сельского социума, во многом просто некуда было встраиваться.

- Городская культура Астрахани характеризуется высокой толерантностью, мигранты из Дагестана в целом не чувствуют себя «людьми второго сорта». Ощущение дискриминации испытывает часть соблюдающих мусульман, однако на момент проведения исследования оно не достигает того уровня, чтобы массово вызвать у них контркультурную ориентацию. В Махачкале господство в условиях разрушения городской культуры «права сильного», а также разворачивающийся конфликт между суфиями и салафитами приводили к серьезной сегрегации общества по доступу к каналам вертикальной мобильности, а также силовому давлению на те сегменты городского населения, которые можно отнести к «нетрадиционному исламу».
- В Астрахани сформировались места компактного проживания дагестанских мигрантов, однако их нельзя назвать территориями социальной эксклюзии – значительную часть мигрантов можно отнести к среднему классу. В Махачкале пространственная дифференциация носила в первую очередь социальный характер, и молодежь из окраинных бедных районов имела мало перспектив в жизни.
- В Астрахани образование в мигрантской среде в целом рассматривается как вертикальный лифт и способ реализации успешных жизненных стратегий, а школы играют роль эффективного интеграционного механизма. В Махачкале подобных эффектов не наблюдалось.

Представляется что именно подобные различия привели к разнице моделей адаптации мигрантов. Если говорить о Махачкале, то она является типичным примером, в терминах Портес и Румбо, диссонансной аккультурации. Первое поколение мигрантов испытывало серьезные трудности в адаптации, во многом опиралось на этническую солидарность, активно поддерживала трансмиграционные связи. Второе поколение (их дети, уже горожане) вынуждено было искать свой путь в чрезвычайно неблагоприятной городской среде, характеризующейся господством «права сильного», дискриминацией и перекрытием доступа к вертикальным лифтам. Опыт предков не сильно мог помочь им в решении этой задачи. Более того, они во многом считали поколение своих отцов ответственным за сложившуюся ситуацию.

В результате межпоколенческие отношения характеризовались не просто межпоколенческим разрывом (который в современном мире практически неизбежен), но и массовым межпоколенческим конфликтом. Этот конфликт мог сопровождаться и разрывом трансмиграционных связей. *«Я стараюсь там [в родном селе] редко бывать. Потому что там, во-первых, условия непростые. Я не сельский человек. Мне там тяжело. Там нечем себя занять. ... И там чувствуешь себя более зажато. ... В общем, меня не тянет. ... Например, мне иногда близкие пытаются преподнести мнение села, что скажут в селе. Мне глубоко неинтересно, что они скажут, потому что они для меня не являются авторитетом. Я не могу назвать ни одного человека в селе, которому я мог бы подражать»* (муж., мол. возр., Дагестан, 2015). Оправдание подобному конфликту, явно не вписывающемуся в нормы традиционной культуры, многие представители второго поколения мигрантов находили в радикальной интерпретации ислама: *«если брать*

отцовское слово и слово Всевышнего, то выше слова Всевышнего» (муж., мол. возр., Дагестан, 2013).

В Астрахани мы наблюдаем реализацию в первую очередь модели селективной аккультурации, в рамках которой межпоколенческая преемственность сохраняется. Нельзя сказать, что в этих условиях не чувствуется межпоколенческого разрыва – информанты в разговорах обращали внимание на разницу между поколениями и связывали ее в первую очередь с фактором образования. *«В то время не было такого, что человек должен учиться, что образование нужно. В то время нужны были руки, хватало. Руки, работа, все» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020).* Однако межпоколенческий конфликт не приобрел массового характера. Второе поколение мигрантов признает заслуги отцов и видит для себя возможности самореализации в достаточно благоприятной для них городской среде.

При этом в условиях во многом сохраняющейся опоры на ресурсы общины базовые характеристики традиционной культуры размываются достаточно медленно и неравномерно. В то же время неизбежность постепенных культурных перемен так или иначе признаётся дагестанскими мигрантами, даже выходцами из наиболее традиционных сел. *«То же самое, допустим, то, что кванадинку брать [в жены] - это постепенно меняется. Это изменяется. Может, лет через пятнадцать - двадцать этого даже уже не будет. И это плохо, с одной стороны. С другой стороны - нормально. В религии, допустим, нет такого, что ты должен брать именно со своего села девушку. Такого нету. Это традиции» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020).* Пожилой мужчина – представитель той же диаспоры поделился с нами своими наблюдениями об эволюции брачной модели. Его родители не имели возможности выбора спутника жизни; он сам мог выбирать лишь из тех вариантов, которые предлагали старшие и родственники; поколение его детей уже может возразить родителям, а внучка, по его мнению, вообще сама будет строить свою жизнь.

В то же время распространение в целом благоприятной модели интеграции мигрантов в Астрахани не означает, что этот процесс идёт беспрепятственно. Есть сегменты дагестанской диаспоры, которые не стремятся встраиваться в городскую среду, давать детям образование. *«У меня братья все своих детей с пятого класса забрали. И они там шьют чехлы на диваны» (жен., мол. возр., Астрахань, 2019).* Они сохраняют тесные связи с «материнским селом», могут отправить туда детей в школу, выдать девушек замуж. Определенное распространение получила модель, при которой юноши достаточно активно интегрируются в городскую среду, а девушек стараются ограничить рамками традиционной культуры. По словам информанта-кванадинца, одна из его сестёр училась до восьмого класса, другая – до шестого. *«Отец сказал: "Все, типа ты уже взрослеешь, ты просто сиди дома. Тебе это не нужно, у тебя будет муж, который будет тебя обеспечивать. Тебе зачем это?"» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020).* Однако совершенно очевидно, что масштабы и глубина проблем, связанных с процессами урбанизации в Астрахани, несопоставимы с теми, которые испытывала и частично еще продолжает испытывать Махачкала.

Таким образом, можно сделать вывод, что контекст принимающего сообщества имеет немалое значение в процессе адаптации мигрантов, существенно влияя на ее формы и степень конфликтности, а также на возможности встраивания мигрантов в культурный мейнстрим либо в различные контркультуры. Причем проведенное исследование демонстрирует, что в условиях позитивного настроения принимающего сообщества по

отношению к мигрантам вероятным исходом даже для культурно замкнутых традиционных групп может быть не добровольная сепарация, как это интерпретировал Берри, но постепенная, хотя и медленная, интеграция в культуру принимающего сообщества.

Литература

- Белозеров С.В. (2005). *Этническая карта Северного Кавказа*. М.: О.Г.И.
- Боттаева З.Х. (2009). Влияние стратегий адаптации трудовых мигрантов на их психологическое благополучие. В Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко (Ред.), *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей*. М.: РУДН.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. (2021). *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. Москва: Издательский дом «Дело».
- Вирт Л. (2005). Гетто (журнальная версия). В Вирт Л., *Избранные работы по социологии. Сборник переводов* (сс. 178-191). М.: ИНИОН.
- Варшавер Е.А. (2014). Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане. *Мониторинг общественного мнения*, 5(123).
- Галяпина В.Н. (2015). От соотечественника к “чужому”: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (По результатам фокус-групповых дискуссий). *Общественные науки и современность*, 2, 72–83.
- Казенин К.И. (2019). Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 23-38.
<https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38>
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. (2011). Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX-начале XXI века, их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Лепшокова З.Х. (2020). Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве. *Общественные науки и современность*, 3, 124-138.
- Лободанова Д.Л. (2015). Особенности формирования человеческого капитала в городах Северного Кавказа: случай Махачкалы. *Креативная экономика*, 12.
- Мукомель В.И. (2016). Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов. *Социологические исследования*, 5, 69-79.
- Мукомель В.И. (2018). Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов. *Федерализм*, 2, 141-160.
- Османов А.А. (2000). Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.
- Парк Р.Э. (2011а). Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок. В Парк Р.Э., *Избранные очерки: Сборник переводов* (сс.66-79). М.: РАН ИНИОН, 2011.

- Парк Р.Э. (2011b). Личность и культурный конфликт. В Парк Р.Э., *Избранные очерки: Сборник переводов* (сс. 201-216). М.: РАН ИНИОН.
- Портес А., Чжоу М. (2017). Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности. *Городские исследования и практики*, 2(1).
- Рубан Л.С. (1995). Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект). *Социологические исследования*, 4, 99-113.
- Смирнова Я.С. (1983). Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.: Наука.
- Соколов Д.В. (2011). Махачкала – case study. В И.В. Стародубровская (Ред.), *Северный Кавказ: модернизационный вызов*. М.: Издательский дом «Дело».
- Стародубровская И.В. (2011) Мифы и реальность урбанизации. В. И.В. Стародубровская (Ред.), *Северный Кавказ: модернизационный вызов*. М.: Издательский дом «Дело».
- Сызранов А.В. (2016). Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность. <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost>
- Ярлыкапов А.А. (2007). Дагестанцы в Астраханской области. *Вестник Евразии*, 3, 107-114.
- Berry G.W. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), 5-68.
- Berry J.W. (2019). *Acculturation. A Personal Journey across Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dijkstra S., Geuijen R., Ruijter A. de. (2001). Multiculturalism and Social Integration in Europe. *International Political Science Review*, 22(1), 60-75.
- Esser H. (2004). Does the “New” Immigration Require a “New” theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*, 38(3), 1126-1159.
- Georges J., Baker M.D. (2016). *Ministering in Honor-Shame Cultures: Biblical Foundations and Practical Essentials*. InterVarsity Press.
- November J. (2017). *Honor/Shame Cultures: A Beginner's Guide to Cross-Cultural Missions*. Westmont: IVP Academic
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. (1995). From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*, 68(1).
- Gordon M. (1964). *Assimilation in American Life: the role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press.
- Park R.E. (1930). Social Assimilation. In E. Seligman, A. Jonson (Eds.). *Encyclopedia of the Social Science* (pp. 281-283). New York: Macmillan.
- Portes A., Rumbaut R. (2001). *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.
- Van Tuvergen F., Maas I., Flap H. (2004). The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*, 69(1), 704-727.